

Филипповский Г. Ю. А. С. Пушкин — Н. А. Некрасов : аспекты диалогической поэтики / Г. Ю. Филипповский // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 276—290. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-276-290.

Filippovsky, G. Yu. (2021). A. S. Pushkin — N. A. Nekrasov: aspects of dialogical poetics. *Nauchnyi dialog*, 3: 276-290. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-276-290. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-276-290

**А. С. Пушкин —
Н. А. Некрасов: аспекты
диалогической поэтики**

Филипповский Герман Юрьевич
orcid.org/0000 0002 6765 8451
доктор филологических наук,
профессор
fil.gerr@yandex.ru

федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Ярославский государственный
педагогический университет им.
К. Д. Ушинского»

(Ярославль, Россия)

**A. S. Pushkin —
N. A. Nekrasov: aspects
of dialogical poetics**

German Yu. Filippovsky
orcid.org/0000 0002 6765 8451
Doctor of Philology, Professor
fil.gerr@yandex.ru

Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education “Yaroslavl
State Pedagogical University named after
K. D. Ushinsky”

(Yaroslavl, Russia)

© Филипповский Г. Ю., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос диалогической поэтики в эпических текстах А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова. Уделяется внимание актуальной теме пушкинских влияний в эпике Некрасова. Представлены результаты сопоставительного анализа поэтики «Евгения Онегина» Пушкина и поэм-эпопей Некрасова. Поднимается вопрос о преемственности эпической поэтики писателей, особое внимание уделяется самобытности данной составляющей их произведений. Новизна исследования состоит в том, что впервые рассмотрены аспекты диалоговой поэтики эпических текстов русских классиков. Актуальность исследования обусловлена необходимостью новых взглядов на соотношение эпической поэтики Пушкина и Некрасова. Приводятся определения категорий имманентной и сопоставительной эпической поэтики обоих творцов. Автор останавливается на функции мотивов в эпических текстах Пушкина и Некрасова. Доказано, что именно эпика Некрасова сделала его реальным преемником гения Пушкина. Предлагается классификация ведущих черт эпической поэтики классиков. Выполнен обзор существующих научных исследований по диалогической поэтике Пушкина и Некрасова. Представлена авторская разработка эпической типологии их текстов. Описан опыт многолетней работы автора на материале поэтического наследия Пушкина и Некрасова.

Ключевые слова:

Пушкин; Некрасов; поэтика крупной эпической формы; Евгений Онегин; Мороз, Красный нос; Кому на Руси жить хорошо; литературно-поэтическая диалогичность; мотивы народной архаики; грех; покаяние.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of dialogical poetics in the epic texts of A. S. Pushkin and N. A. Nekrasov is considered. Attention is paid to the actual topic of Pushkin's influences in the epic of Nekrasov. The results of a comparative analysis of the poetics of "Eugene Onegin" by Pushkin and the epic poems of Nekrasov are presented. The question of the continuity of the epic poetics of writers is raised, special attention is paid to the originality of this component of their works. The novelty of the research lies in the fact that the aspects of the dialogue poetics of the epic texts of Russian classics are considered for the first time. The relevance of the study is due to the need for new views on the relationship between the epic poetics of Pushkin and Nekrasov. The definitions of the categories of immanent and comparative epic poetics of both creators are given. The author dwells on the function of motives in the epic texts of Pushkin and Nekrasov. It has been proven that it was Nekrasov's epic that made him the real successor of Pushkin's genius. A classification of the leading features of the epic poetics of the classics is proposed. The review of existing scientific research on the dialogical poetics of Pushkin and Nekrasov is carried out. The author's development of the epic typology of their texts is presented. The author's experience of many years of work on the material of the poetic heritage of Pushkin and Nekrasov is described.

Key words:

Pushkin; Nekrasov; the poetics of a large epic form; Eugene Onegin; Jack Frost; Who lives well in Russia; literary and poetic dialogue; motives of folk archaism; sin; repentance.

А. С. Пушкин — Н. А. Некрасов: аспекты диалогической поэтики

© Филипповский Г. Ю., 2021

1. Введение

1. Пушкинские влияния в поэтическом наследии Некрасова: краткий обзор исследований

М. М. Бахтин открыл, что природа и Слова, и Текста диалогична [Бахтин, 1975, с. 92—93]. «Пушкинские традиции», «пушкинские влияния» — весьма распространённые и продуктивные формулы в отечественном литературоведении. Популярны они и в некрасоведении. Так, первая часть «Учителя и предшественники» известной монографии К. И. Чуковского «Мастерство Некрасова» состоит из двух глав: «Пушкин» и «Гоголь» [Чуковский, 1955, с. 7—160]. Вторая часть нашей монографии 2008 года «Динамическая поэтика русской литературы» озаглавлена «Пушкин и Некрасов» [Филипповский, 2008, с. 213—394]. Она включает исследования не только по пушкинской, а также некрасовской текстовой поэтике, но и этюды по сравнительно-типологической поэтике текстов двух великих русских классиков. Характерно при этом, что пушкинских и пушкинско-некрасовских глав в этой части монографии больше, чем узконекрасоведческих, что косвенно подчёркивает роль и значение именно пушкинских истоков. В другой нашей монографии «Глубины некрасовского текста» [Филипповский, 2010] компаративные главы также присутствуют, хотя в целом явно преобладают некрасоведческие исследования, что соответствует основному профилю книги.

Конечно, уже сравнительно давно появился в литературоведении целый пласт разысканий, отслеживающих «пушкинское» в творчестве Некрасова. Именно так называется статья известного специалиста по русской литературе XIX века Нагалии Николаевны Мостовской «“Пушкинское” в творчестве Некрасова» [Мостовская, 1991, с. 177—186], опубликованная в 1991 году во Пскове в межвузовском сборнике научных трудов. Ещё раньше, в 1985 году, крупный пушкиновед и некрасовед Николай Николаевич Скатов назвал одну из глав своей книги «Я лиру посвятил народу своему ...»: «Пушкинское» стихотворение Некрасова «Элегия» [Скатов, 1985, с. 152—160]. Разумеется, изучение Некрасова было популярно в советский период, всегда не лишённое «дежурной» революционно-демократической прямолинейности. «Некрасов — преемник Пушкина», — так называет-

ся часть второй главы биографической книги о Некрасове, написанной в 1954 году А. Дубинской; «Некрасов — певец Петербурга — наследник Пушкина» [Дубинская, 1954, с. 42—45]. Конечно, эта формула могла бы звучать и иначе: «Некрасов — певец Петербурга — наследник Гоголя». Подобное «лобовое» соотнесение, сопоставление в революционно-демократической по духу биографии, представленной А. Дубинской, надо думать, восходит к популярному в те времена эпизоду похорон Некрасова на Новодевичьем кладбище Санкт-Петербурга [Там же, с. 308—310]. Тогда, после знаменитой речи Ф. М. Достоевского над могилой Некрасова, которого он по значению сопоставил с Пушкиным, леворадикальные студенты стали кричать: «Выше! Выше, чем Пушкин!». Конечно, дело было отнюдь не в том, кто из них выше, кто ниже, — прав Достоевский, что оба поэта и их наследия соотносительны и велики.

Сравнительно недавно в 1997 и 2001 годах появились статьи о творчестве Некрасова, где фигурирует понятие «диалог» в понимании «пушкинско-некрасовский диалог». Мы говорим об исследованиях Г. В. Краснова «Некрасов и Пушкин: поэтический диалог» [Краснов, 1997, с. 59—66], Н. В. Володиной «Диалог Некрасова с Пушкиным в стихотворении “Поэт и гражданин”» [Володина, 2001, с. 4—9], Р. Б. Заборовой «К изучению поэтических диалогов Некрасова» [Заборова, 2001, с. 17—25], а также Н. Н. Мостовской «Стихотворение “Поэт и гражданин” в литературной традиции» [Мостовская, 1997, с. 67—79]. Все эти статьи сопоставляют пушкинское и некрасовское наследия с точки зрения популярных в советское время идеалов «гражданственности», соотносимых обычно с революционно-демократическими идеями. Конечно, и Пушкин, и Некрасов были прогрессивными личностями, отнюдь не ретроgrадами, но революционерами они никогда не были: оба принадлежали к дворянскому обществу, хотя и симпатизировали простому народу, крестьянам, живо интересовались народной культурой. Поэтому обозначенные выше прежние подходы к их творчеству сейчас не могут рассматриваться как адекватные. Пушкин мирволил монарху, а Некрасов с большим сомнением и подозрением рассматривал реформу освобождения крестьян 1861 года. Так что «диалога» двух великих поэтов надо искать не там, где прежде, не на тропе публицистических мотивов, а как-то иначе.

Существуют другие статьи, усматривающие пушкинскую традицию, например, в поэмах Некрасова «Несчастные» или «Тишина». Это статьи А. М. Гаркави «Пушкинские традиции в поэме Некрасова “Несчастные”» [Гаркави, 1975, с. 91—108], В. А. Кошелева «Литературные “похищения” в поэме Некрасова “Несчастные”» [Кошелев, 2001, с. 26—39], Г. Ю. Филипповского «“Тишина” Некрасова и поэтическая традиция Пушкина»

[Филипповский, 2008, с. 267—273]. Здесь важно подчеркнуть аспекты жанровой соотносительности: речь идёт о пушкинских влияниях в некрасовской крупной поэтической форме.

Разумеется, нередко рассматривается пушкинская диалогичность на основе его великого романа в стихах, или, если угодно, грандиозной поэмы, или даже, как принято говорить, «эпопеи русской жизни», — «Евгений Онегин» зрелого Пушкина. Ранние, юношеские «завихрения» поэта были уже преодолены в михайловский период, когда он написал «Бориса Годунова», основные главы «Евгения Онегина», просил прислать ему французскую Библию. «Онегинское» в некрасовском наследии рассматривается в статье Н. Л. Вершининой «“Онегинские” мотивы в лирике Некрасова» [Вершинина, 2001, с. 10—16], отчасти — Н. Л. Ермолаевой «Тема судьбы в творчестве Некрасова» [Ермолаева, 2008, с. 74—82]. Несомненно, что многие образы и мотивы «Евгения Онегина» повлияли на соотносительные элементы поэтики некрасовских текстов, причём так же, как и у Пушкина, отмеченных крупной эпической формой, то есть в поэмах и эпопеях. Примечательно, что Некрасов в своих текстах, в частности, в поэме «Русские женщины», приводит слова героини не только о Пушкине, но и о его романе в стихах «Евгений Онегин»: «И Пушкин смотрел ... и смеялся, что я Ботинки мои промочила. “Молчите! Идёт гувернантка моя!” — Сказала я строго. (Я скрыла, Что ноги промокли) ... Потом я прочла В «Онегине» чудные строки. Я вспыхнула вся — я довольна была ... Теперь я стара, так далёки Те красные дни! Я не буду скрывать, Что Пушкин в то время казался Влюблённым в меня ... но, по правде сказать, В кого он тогда не влюблялся! Но, думаю, он не любил никого тогда, кроме музыки: едва ли не больше любви занимали его Волненья её и печали ...» [Некрасов, 1982, т. 4, с. 167].

2. Базовые мотивы поэтической эпике Пушкина и Некрасова

Самые точные и глубокие, сущностные слова о соотношении, соотношении пушкинской и некрасовской поэтики, то есть природы и организации поэтических текстов классиков, принадлежат Анне Андреевне Ахматовой. Сама будучи крупнейшей фигурой в мировой поэзии, Ахматова остановила внимание на самых значительных, крупнейших творениях обоих поэтов, на их поэтической идентичности и соотносительности. Речь идёт о её выступлении в 1965 года на страницах «Литературной газеты», где она обсуждает связи пушкинской «русской поэмы “Евгений Онегин” и некрасовской “Мороз, Красный нос”», цит. по [Филипповский, 2008, с. 279]. По мнению А. А. Ахматовой, «так счастливо найденные» Пушкиным особенности поэтики «должны были укорениться в русской поэзии». Считая данное направление развития русских художественных традиций магистраль-

ным, А. А. Ахматова видела в Некрасове непосредственного поэтического преемника Пушкина: «И только Некрасов понял, что нужно искать новые пути. Тогда появился “Мороз, Красный нос”» [Там же]. В этих словах подчеркнута именно творческая преемственность Некрасова по отношению к пушкинскому наследию. Характерно, что внимание остановлено именно на крупнейших, значительнейших творениях обоих поэтов, и, разумеется, к ним должна быть отнесена также и эпопея Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Именно об этих текстах Пушкина и Некрасова (но и некоторых других поэмах) пойдёт речь в данной статье.

«Евгений Онегин» Пушкина часто рассматривают как «энциклопедию русской жизни», но это одновременно и своеобразная энциклопедия литературных приёмов, своего рода банк данных, в особенности литературных лейтмотивов. Действительно, бездна репродуктивных и вариативных возможностей заключена и в главном женском образе Татьяны Лариной, и в главном мужском образе Евгения Онегина, и в главном образе-медиаторе Медведя, и в целом во всём поэтическом «банке» великой пушкинской эпопеи. Поразительно глубочайшее проникновение Некрасова в поэтическую лабораторию Пушкина, её творческое, новаторское освоение. Вся галерея некрасовских образов «гордой славянки» (прежде всего, в его крупных поэмах и эпопеях) восходит к поэтическому типу Татьяны Лариной. Несомненно, что «ярославский медведь» Некрасова, то есть многочисленные и весьма значимые образы медведя в его произведениях, в особенности эпопеях, своей глобальностью и мифологичностью соотносительны с главным, «счастливым найденным», по словам А. А. Ахматовой [Там же], ключевым образом пятой главы «Евгения Онегина», а может быть, и всего произведения в целом. Медведь в «Евгении Онегине» — не просто образ из сна Татьяны, но — ключевой композиционный приём, центр романа. Эпизод с медведем — поэтическая ось романа в стихах, его «зеркальной» поэтики. Этому литературному феномену в статье также будет уделено особое место из-за его значимости в творчестве и поэтике Пушкина и Некрасова. Не меньшей принципиальной значимостью в поэтике произведений сопоставляемых авторов обладают образы-архетипы Зимы и Весны, основные и как бы особенно значимые в пятой и седьмой главах «Евгения Онегина», композиционно центральных. Конечно, у Пушкина есть ещё его «Сказка о медведихе», но и у Некрасова этот знаковый образ чрезвычайно характерен и важен, особенно в его крупных произведениях, включая «Кому на Руси жить хорошо».

Пожалуй, следует начать сравнительно-типологический этюд о поэтике Пушкина и Некрасова с женских образов. Но сначала стоит прокомментировать глобальный образ-метафору, даже лейтмотив, в поэтике крупных

творений обоих авторов. Это — Зимний Путь, шубертовское “Winterreise” европейских романтиков, — последний, трагический путь. В седьмой главе «Евгения Онегина» это словосочетание встречается в эпизоде отъезда Татьяны из своей милой деревни в Москву, на ярмарку невест. Ранее мы уже знаем, что героиня «русская душою <...> любила русскую зиму» [Пушкин, 1960, т. 4, с. 95]. Но в эпизоде отъезда: «Татьяне страшен зимний путь» [Там же, с. 143]. Страшен не только потому, что героиня боится покидать родные места. Страшен, потому что, по мысли и слову Пушкина-романтика, «зимний путь» — это трагическая судьба человека на его драматическом движении в иномирие. Оно всегда сопряжено с расставанием с привычными земными ценностями, с каким-то теперь уже прошлым «я», с обретением будущей, во многом непонятной жизни. Потому этот путь и «зимний», то есть суровый или даже страшный. Тем не менее именно такова судьба героев, и в особенности героинь Пушкина и Некрасова. Отсюда чаще всего эти героини у обоих поэтов в их крупнейших произведениях погружены в пространство Зимы, которая не что иное, как, разумеется, Русская Зима. Кстати, метафорический контекст Зимы хорошо почувствовал, как бы из-за океана, американский писатель Джон Стайнбек в своём романе «Зима тревоги нашей» (“Winter of our discontent”).

Эпическая масштабность связывает воедино три центральные главы «Евгения Онегина». Если пятая глава открывается мощной картиной русской зимы, за которой следует «зимний» пророческий сон Татьяны с иномирием образа Медведя и страшными знаменьями убийства Ленского, то весеннее пробуждение природы не менее эпично в начале седьмой главы. Весенняя тема резко контрастирует с эпизодами смерти, убийства на дуэли в шестой главе. Здесь же, в седьмой главе, героиня открывает для себя новый мир, посещая имение Евгения Онегина. Пути героев лежат и в реальном, и метафорическом пространстве, но там и там равно драматичны, а часто трагичны. Строфа 28 седьмой главы заканчивается темой судьбы. Татьяна задаёт себе вопрос: «Что мне сулит судьба моя?» [Там же]. Динамическая эпика романа в стихах неотвратимо ведёт пути-прогулки героини к фатальному Зимнему Пути. Строфа 29 той же седьмой главы, которая открывается словами: «Её прогулки делятся доле», — связывает и контрастные времена года, и контрасты, перемены в судьбе Татьяны. Она ещё «беседовать спешит <...> с своими рощами, лугами», где «лето быстрое летит», как тут же, следом «настала осень золотая, Природа трепетна, бледна, как жертва пышно убрана» [Там же]. Только что заявленная тема судьбы смыкается с мотивом жертвы, и тут же, следом, в той же 29 строфе, приход Зимы: «Вот север, тучи нагоняя, дохнул, завыл — и вот сама идёт волшебница зима» [Там же].

Пушкин — мастер и эпической монументальности расстановки эпизодов, и эпического завязывания, соединения узловых частей воедино. Так произошло в 29 строфе седьмой главы «Евгения Онегина». Все ключевые слова — *судьба, жертва, зима* — объединяет тема «пути», уже не как летней прогулки, а как фатального Зимнего Пути. Гениальную пушкинскую 30 строфу седьмой главы вполне можно считать своего рода конспектом или эпиграфом ко всей некрасовской поэме «Мороз, Красный нос». Волшебная красота зимней картины конца 29 — начала 30 строфы резко сменяется фатальным, отрицательным контекстом смены судьбы героини: «Не радо ей лишь сердце Тани. Нейдёт она зиму встречать, Морозной пылью подышать и первым снегом с кровли бани Умыть лицо, плеча и грудь: Татьяна страшен зимний путь» [Там же]. Если ранее гадание героини и её вещий сон напророчили смерть, то тема бани 30 строфы седьмой главы романа также сопровождается народными зимними приметами-гаданиями о судьбе. Как известно, банные гадания в русской народной культуре сопряжены со страшными, запретными ритуалами. Так и здесь, «*первый снег с кровли бани*», которым народная традиция предписывает «умыть лицо, плеча и грудь», пророчит обновление, если вообще не новые повороты судьбы. И если зимний сон Татьяны с медведем в пятой главе — это страшный сон, то новое гадание может пророчить новый, страшный Зимний Путь. Но здесь героиня уже не идёт на поводу фатальной народной мистической традиции. Она уже «нейдёт <...> зиму встречать, Морозной пылью подышать», первым снегом с кровли бани умыть лицо..., 31 строфа открывается повтором слова *срок*, как чего-то не только определённого, но и назначенного (судьбой), фатального, неотвратимого. Повороты в судьбах героев столь же фатальны и неотвратимы, как и смены времён года. Финальная восьмая глава в эпизоде роковой последней встречи героя и героини драматична и контрастна, она соединяет и времена года, эпизоды которых как бы «рассыпаны», разумеется, значимо по всему пространству «Евгения Онегина».

Темы драматической смены времён года, прежде всего зимы и весны, соотносены с драматизмом судеб жизни и смерти, но у Пушкина в романе финал этих коллизий открыт. Вообще, довольно характерной чертой стиховой поэтики «Евгения Онегина» является вопросительная интонация в конце значительного ряда конкретных строф или же некий открытый контекст (как бы приглашающий к продолжению действия или к размышлению читателя). Такова, можно сказать, итоговая в плане сюжетной поэтики романа в стихах 39 строфа финальной восьмой главы: «Дни мчались; в воздухе нагретом Уж разрешалась зима; И он не сделался поэтом, Не умер, не сошёл с ума. Весна живит его ...» [Пушкин, 1960, т. 4, с. 173].

Далее следует финальная тема пути, но уже только как бы Зимнего Пути: «... несётся вдоль Невы в санях. На синих, иссечённых льдах играет солнце; грязно тает на улицах разрытый снег. Куда по нём свой быстрый бег Стремит Онегин? ...» [Там же]. Роман имеет такой же открытый финал, как и 39 строфа восьмой главы, таков же и открытый контекст фатального мотива «Зимний Путь». Кстати, последние строки некрасовской поэмы-эпопеи «Мороз, Красный нос» оканчиваются многоточием, как бы открыты в пространство; открытую структуру имеет и некрасовская эпопея «Кому на Руси жить хорошо».

3. Поэтика «Мороз, Красный нос» Некрасова: аспекты преемственности и оригинальности

Мотив Пути, даже Зимнего Пути, Н. А. Некрасов разрабатывает в своей поэме «Мороз, Красный нос» вслед за Пушкиным. Об этом говорила и А. А. Ахматова, как отмечалось выше [Филипповский, 2008, с. 279]. Некрасов уже во вступлении к поэме заявляет эту тему рокового пути, «тернистого» пути, «последнего» пути. Здесь же — тема смерти: «А теперь — мне пора умирать» [Некрасов, 1982, т. 4, с. 77], связанная всё с тем же мотивом пути-дороги: «... Не за тем же пускаться в дорогу, Чтобы в любящем сердце опять Пробудить роковую тревогу» [Там же]. Фатальность мотива бури, которая «сломила старый дуб, <...> иву, <...> на которой поблекли листья», в тексте вступления соединена с воспоминанием о смерти матери: «В ночь, когда бедная мать умирала ...» [Там же, с. 77—78]. Не случайно первая часть поэмы озаглавлена «Смерть крестьянина» и начинается строками: «Савраска увяз в половине сугроба — Две пары промёрзлых лаптей Да угол рогожей покрытого гроба Торчат из убогих дровней» [Там же, с. 78]. Ю. В. Лебедев давно уже отметил как характерную для поэтики Некрасова аллитерацию «гроб» — «сугроб» [Лебедев, 1974, с. 33—53]. Она же метафорически пронизывает всю поэтическую ткань поэмы-эпопеи «Мороз, Красный нос». Кстати, в этом плане отнюдь не случайна переключка с Пушкиным, с мотивом «сугроба» в эпизоде сна Татьяны, иномирия Медведя в пятой главе «Евгения Онегина» (с пророчеством о смерти Ленского). Смерть героя в поэме-эпопее «Мороз, Красный нос» — это смерть Прокла. Дарья, его жена, героиня поэмы — столь же принципиальна в этой эпопее, как и образ, тема, судьба пушкинской Татьяны, причём также в пространстве Зимнего Пути. Конечно, «Мороз, Красный нос» Некрасова — не менее «зимняя» поэма, чем «Евгений Онегин» Пушкина, но тема весны не только встречается, но и важна и там, и там. У Некрасова на фоне трагических «зимних» снов-видений во второй части поэмы героиня видит «весенне-летний» сон, грёзу о семейном и личном счастье.

И всё же отмеченный многими исследователями двоичный символизм в поэме-эпопее «Мороз, Красный нос» однозначно связан с похоронными традициями русского народа. Вслед за двумя первыми строфами, где этот символизм как бы заявлен, следуют другие с повтором слова *саван*. Его шьёт со слезами вдова умершего Прокла. И сугроб, и промёрзлые лапти, и убогие дровни — всё это знаки Зимнего Пути, последнего, трагического пути. Характерна строка: «Как саваном, снегом одета, Избушка в деревне стоит» [Некрасов, 1982, т. 4, с. 79]. Здесь всё, как и вообще в поэме, погружено в пространство Зимы: «Старуха в больших рукавицах Савраску сошла по-пукать. Сосульки у ней на ресницах, С морозу — должно полагать» [Там же, с. 78]. Драматическое соотнесение зимы и лета, судеб героини и героя — общая канва сюжетосложения и художественной поэтики пушкинской и некрасовской поэм-эпопей. Парна и художественная структура «Мороз, Красный нос», не просто две основные главы, но и их поэтическая биполярность: первая — земная быль о смерти крестьянина, вторая — сказка, она так и называется «Мороз, Красный нос». Как и у Пушкина, значимо использовано слово *судьба*. У Некрасова это судьба-доля, причём тяжкая доля (Прокла). Но несколько иначе, как и у Пушкина судьба Тагьяны, трактуются Некрасовым судьба и образ Дарьи, главной героини поэмы-эпопеи. Здесь уже использовано словосочетание *судьба как грозная доля* или другое *женщина русской земли*. Дарья — «случайная жертва судьбы». И тут же следует знаменитый гимн величию, красоте, достоинству русской женщины: «... есть женщины в русских селеньях ...» [Там же, с. 80].

Конечно, Некрасов в своих поэмах не слепой последователь Пушкина, он самобытен и во многом идёт дальше Пушкина. В частности, и «Евгений Онегин», и «Мороз, Красный нос» — поэмы-эпопеи русской жизни, но у Некрасова жанровая идентичность шире. Это реквием, со всеми при-сущими ему жанровыми чертами: торжественностью, музыкальностью, скорбью и связанными с ними новой масштабностью и грандиозностью. К этому следует добавить погружённость поэмы Некрасова в жанровое пространство народной поэтики, прежде всего плачей-причитаний. Самостоятелен Некрасов и в плане метрической поэтики. Если у Пушкина в «Евгении Онегине» это одический, масштабный, эпический, как бы ещё ломоносовский четырёхстопный ямб [Лотман, 1988, с. 105—143], то у Некрасова в его «Морозе ...», как, впрочем, и в «Кому на Руси жить хорошо», — в основном трёхстопный нерифмованный ямб с дактилическими и мужскими окончаниями [Прокшин, 1979, с. 159; Чуковский, 1955, с. 611—623]. К тому же эта особая метрическая форма, по замыслу Некрасова, в большей степени соответствует крупному и масштабному эпико-повествовательному формату поэмы [Чуковский, 1955, с. 611—623]. Конечно,

поэмы Некрасова: и «Мороз ...», и «Кому на Руси жить хорошо» — в чём-то ближе к народной метрике, а также народной ментальности, традициям [Там же], но и здесь, как это ни парадоксально, поэт следует за Пушкиным.

4. Народные черты и архаические мотивы в эпической поэтике Пушкина и Некрасова

Не случайно образ Медведя, древнего культового зверя русской архаики, занимает столь важное место в поэтической структуре «Онегина» [Пушкин, 1960, т. 4, с. 96—104; Филипповский, 2008, с. 229—237]. В «Морозе ...» этот образ локален: умирающего Прокла люди хотели «положить под медведя», чтобы он ему кости размял, передал свою жизненную силу [Некрасов, 1982, т. 4, с. 89]. Но этот локальный образ парадоксально придаёт монументальность и особый колорит всей поэме. В «Кому на Руси жить хорошо» с медведем соотносится образ Савелия, богатыря святорусского: «С большущей сивой гривой, Чай, двадцать лет не стриженный, С большущей бородой, Дед на медведя смахивал, Особенно как из лесу, Согнувшись выходил <...> Как в низенькую горенку Входил он: ну, распрямятся? Пробьёт дыру медведище В светёлке головой!». Старик и поступил «косолапо», — допустил гибель младенца Дёмушки [Там же, т. 5, с. 141—142].

Пушкин и Некрасов в своей поэтической эпике черпали из круга понятий, символов, образов и представлений, в числе прочих, стадияльно более ранних, чем средневековые [Филипповский, 2010, с. 3—29, 101—107]. Причина этого лежит не только в деревенской глубинке, где волею судеб оба оказались (в Михайловском и Болдино Пушкин, в Грешнево и Аббакумцево Некрасова), но и в глубоком интересе, проникновении обоих поэтов в народную культуру этой глубинки [Там же, с. 3—149]. Космизм и архаика художественной поэтики Пушкина и Некрасова, авторов эпopeй, опираются и на образы, подобные медведю древней архаики, на образ Мороза из русской сказки, женские образы, как более близкие к истокам жизни и природы, и на образы собственно Природы (антиномии Зимы и Лета-Весны) [Филипповский, 2008, с. 238—253]. То же можно сказать и об антиномии «Жизнь — Смерть», где поэтический акцент постоянно балансирует или меняется (как противостоят или взаимодействуют в поэмах образы времён года) [Там же]. Что касается эпики Некрасова, то темы Смерти и Зимы, особенно в эпopeе «Мороз, Красный нос», доминантны [Там же, с. 279—286]. Но это и должно быть характерно для жанра Реквиема. Конечно, у Некрасова здесь классическая поэтика органически соединилась с народной, поэтикой плача и причитаний (об этом исследователями написано достаточно много, например, Ириной Михайловной Колесницкой [Колесницкая, 1956, с. 15—69] или другим крупным учёным-фоль-

клористом Кириллом Васильевичем Чистовым [Чистов, 1947, с. 30—45]). Мотивы народных причитаний весьма характерны и для эпопеи Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Речь идёт, прежде всего, о причитании-молитве Матрёны Тимофеевны, главной героини поэмы, «в ночь морозную Под звёздным небом Божиим», где «чем больше я молилася, Тем легче становилось, И силы прибавлялося, Чем чаще я касалася До белой снежной скатерти Горящей головой ...» [Некрасов, 1982, т. 5, с. 177].

5. Христианские мотивы эпической поэтики Пушкина и Некрасова

Конечно, велико раскаяние Онегина в его ответном, явно запоздалом письме Татьяне, но это, конечно, не покаяние в христианском смысле. Вообще, поэзия Пушкина этого мотива не лишена. Например, его второе «Воспоминание в Царском Селе» 1829 года содержит евангельский образ блудного сына: «... вхожу с поникшей головой. Так отрок Библии, безумный расточитель ...» [Пушкин, 1959, т. 2, с. 260]. Покаянный характер имеет ответное послание Пушкина Владыке Филарету: «Я лил потоки слёз нежданных, И ранам совести моей Твоих речей благоуханных Отраден чистый был елей» [Там же, с. 287]. Однако в сравнении с пушкинской эпика Некрасова глубоко и мощно представила образы и традицию христианского покаяния. По сути, «Кому на Руси жить хорошо» представляет собой поэтическое исследование русского греха и русского покаяния [Филипповский, 2008, с. 382—394; Филипповский, 2018, с. 161]. И речь идёт не только о главе «Пьяная ночь» или даже о глубоко христианском покаянии Матрёны Тимофеевны и старика Савелия на могилке погибшего Дёмушки. Эту тему греха и покаяния специально обсуждает глава «Про холопа примерного — Якова верного». Здесь и барин «вернулся домой, причитая: «Грешен я, грешен! Казните меня!» — Будешь ты, барин, холопа примерного, Якова верного, Помнить до Судного дня!». А далее опять: «Грехи, грехи — послышалось Со всех сторон: — Жаль Якова, Да жутко и за барина, — Какую принял казнь!... Ещё прослушали Два-три рассказа страшные И горячо заспорили О том, кто всех грешней?» [Некрасов, 1982, т. 5, с. 199]. Поразительна в главе «И старое, и новое. Крестьянский грех» сцена коллективного покаяния народа: «Площадка перед Волгою, Луною освещённая, Переменилась вдруг. Пропали люди гордые ...». И опять здесь: ««Великий грех! великий грех!» — Тоскливо вторил Клим». И как итог этих глав: «Всё прощает Бог, а иудин грех Не прощается. Ой, мужик! мужик! Ты грешнее всех, И за то тебе вечно маяться!» [Там же, с. 212]. Семеро странников поэмы-эпопеи Некрасова — отнюдь не путешественники-искатели счастья народного. Они в поэме, скорее, самовидцы, свидетели народного греха и народного покаяния [Филипповский, 2018, с. 161—170]. Таков на самом деле был грандиозный поэтический за-

мысел Н. А. Некрасова, автора великой эпопеи народной жизни «Кому на Руси жить хорошо».

Источники

1. *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем : в 15 т. / Н. А. Некрасов. — Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1981—2000.
2. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений : в 10 томах / А. С. Пушкин. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1959—1962.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 502 с.
2. *Берёзкин А. М.* Семантика компоновки : авторские построения поэтических сборников Некрасова / А. М. Берёзкин // Некрасовский сборник. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — Т. XIV. — С. 3—45. — ISBN 978-5-02-026450-2.
3. *Вершинина Н. Л.* «Онегинские» мотивы в лирике Некрасова / Н. Л. Вершинина // Некрасовский сборник. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — Т. XIII. — С. 10—16. — ISBN 5-02-028502-1.
4. *Володина Н. В.* Диалог Некрасова с Пушкиным в стихотворении «Поэт и гражданин» / Н. В. Володина // Некрасовский сборник. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — Т. XIII. — С. 4—9. — ISBN 5-02-028502-1.
5. *Гаркави А. М.* Пушкинская традиция в поэме Некрасова «Несчастные» / А. М. Гаркави // О Некрасове. Статьи и материалы. — Ярославль, 1975. — Выпуск IV. — С. 91—108.
6. *Дубинская А. Н.* А. Некрасов. Очерк жизни и творчества / А. Н. Дубинская. — Москва : Изд-во АН СССР, 1954. — 320 с.
7. *Ермолаева Н. Л.* Тема судьбы в творчестве Некрасова / Н. Л. Ермолаева // Некрасовский сборник. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — Т. XIV. — С. 74—82. — ISBN 978-5-02-026450-2.
8. *Заборова Р. Б.* К изучению поэтических диалогов Некрасова / Р. Б. Заборова // Некрасовский сборник. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — Т. XIII. — С. 17—25. — ISBN 5-02-028502-1.
9. *Колесницкая И. М.* Крестьянская тема и народное творчество в поэзии Некрасова 60-х годов / И. М. Колесницкая // Некрасовский сборник. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1956. — Выпуск II. — С. 15—69.
10. *Кошелев В. А.* Литературные «похищения» в поэме Некрасова «Несчастные» / В. А. Кошелев // Некрасовский сборник. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — Т. XIII. — С. 26—39.
11. *Краснов Г. В.* Некрасов и Пушкин : поэтический диалог / Г. В. Краснов // Карабиха. Историко-литературный сборник. — Ярославль : ТОО Лия, 1997. — Выпуск 3. — С. 59—66. — ISBN 978-5-906040-55-8.
12. *Лебедев Ю. В.* Человек и природа в поэме Некрасова «Мороз, Красный нос» / Ю. В. Лебедев // Н. А. Некрасов и русская литература : сборник статей. — Кострома, 1974. — Выпуск 38. — С. 33—53.
13. *Лотман Ю. М.* Русский стих. Семантика стихотворного метра в русской поэзии второй половины XIX века : А. А. Фет и Н. А. Некрасов / Ю. М. Лотман // Slowianska

metryka porownawsza. Semantyka form wierszowych. — Wrocław : [b. i.]. 1988. — Т. III. — Рр. 105—143.

14. Мельник В. И. «Кому на Руси жить хорошо» : Проблема христианского сознания в поэме / В. И. Мельник // Некрасовский сборник. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — Т. XIII. — С. 126—134.

15. Мостовская Н. Н. «Пушкинское» в творчестве Некрасова / Н. Н. Мостовская // Проблемы современного пушкиноведения. Межвузовский сборник научных трудов. — Псков : Псковский государственный педагогический институт, 1991. — С. 177—186.

16. Мостовская Н. Н. Стихотворение «Поэт и гражданин» в литературной традиции / Н. Н. Мостовская // Карабиха. Историко-литературный сборник. — Ярославль : ТОО Лия, 1997. — Выпуск 3. — С. 67—79.

17. Нольман М. Л. Некрасов и Пушкин. Эволюция поэтического жанра воспоминания-исповеди / М. Л. Нольман // Н. А. Некрасов и русская литература. (1821—1871) : сборник статей. — Москва : Наука, 1971. — С. 204—265.

18. Прокшин В. Г. Н. А. Некрасов. Путь к эпосе / В. Г. Прокшин. — Уфа : Башкирское книжное издательство, 1979. — 272 с.

19. Скатов Н. Н. «Пушкинское» стихотворение Некрасова «Элегия» / Н. Н. Скатов // «Я лиру посвятил народу своему...». — Москва : Просвещение, 1985. — С. 152—160.

20. Филипповский Г. Ю. Аспекты прикладной филологии. Литературоведение / Г. Ю. Филипповский. — Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. — 543 с. — ISBN 978-5-00089-358-6.

21. Филипповский Г. Ю. Глубины некрасовского текста / Г. Ю. Филипповский. — Ярославль : Канцлер, 2010. — 150 с. — ISBN 978-5-91730-051-1.

22. Филипповский Г. Ю. Динамическая поэтика русской литературы / Г. Ю. Филипповский. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2008. — 416 с. — ISBN 978-5-86007-596-2.

23. Чистов К. В. Некрасов и сказительница Ирина Федосова / К. В. Чистов // Научный бюллетень ЛГУ. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1947. — № 16—17. — С. 30—45.

24. Чуковский К. И. Мастерство Некрасова / К. И. Чуковский. — Москва : Художественная литература, 1955. — 687 с.

25. Эйхенбаум Б. М. Некрасов / Б. М. Эйхенбаум // О поэзии. — Ленинград : Советский писатель, 1969. — С. 35—74.

MATERIAL RESOURCES

Nekrasov, N. A. (1981—2000). *Complete collection of works and letters, 15*. Leningrad; Saint-Petersburg: Nauka. (In Russ.).

Pushkin, A. S. (1959—1962). *Collected works, 10*. Moscow: State Publishing house of Fiction. (In Russ.).

REFERENCES

Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of literature and aesthetics. Studies of different years*. Moscow: Fiction. 502 p. (In Russ.).

Berezkin, A. M. (2008). Semantics of layout: author's constructions of Nekrasov's poetry collections. In: *Nekrasov Collection, XIV*. St. Petersburg: Nauka. 3—45. ISBN 978-5-02-026450-2. (In Russ.).

Chistov, K. V. (1947). Nekrasov and the storyteller Irina Fedosova. *Scientific Bulletin of LSU, 16—17*. Leningrad: LSU Publishing House. 30—45. (In Russ.).

Chukovsky, K. I. (1955). *The skill of Nekrasov*. Moscow: Fiction. 687 p. (In Russ.).

- Dubinskaya, A. N. (1954). *A. Nekrasov. An essay on life and creativity*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 320 p. (In Russ.).
- Eichenbaum, B. M. (1969). Nekrasov. In: *About poetry*. Leningrad: The Soviet writer. 35—74. (In Russ.).
- Ermolaeva, N. L. (2008). The theme of fate in the work of Nekrasov. *Nekrasovsky sbornik, XIV*. St. Petersburg: Nauka. 74—82. ISBN 978-5-02-026450-2. (In Russ.).
- Filippovsky, G. Yu. (2008). *Dynamic poetics of Russian literature*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 416 p. ISBN 978-5-86007-596-2. (In Russ.).
- Filippovsky, G. Yu. (2010). *The depths of the Nekrasov text*. Yaroslavl: Kantsler. 150 p. ISBN b 978-5-91730-051-1. (In Russ.).
- Filippovsky, G. Yu. (2018). *Aspects of applied philology. Literary studies*. Yaroslavl: RIO YaGPU. 543 p. ISBN 978-5-00089-358-6. (In Russ.).
- Garkavi, A. M. (1975). Pushkin's tradition in Nekrasov's poem "The Unfortunate". *About Nekrasov. Articles and materials, IV*. Yaroslavl. 91—108. (In Russ.).
- Kolesnitskaya, I. M. (1956). *Peasant theme and folk art in the poetry of Nekrasov of the 60s, II*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 15—69. (In Russ.).
- Koshelev, V. A. (2001). Literary "abductions" in Nekrasov's poem "Unfortunate". *Nekrasov collection, XIII*. Saint-Petersburg: Nauka. 26—39. (In Russ.).
- Krasnov, G. V. (1997). Nekrasov and Pushkin: poetic dialogue. *Karabikha. Historical and literary collection, 3*. Yaroslavl: TOO Liya. 59—66. ISBN 978-5-906040-55-8. (In Russ.).
- Lebedev, Yu. V. (1974). Man and nature in Nekrasov's poem "Frost, Red Nose". *N. A. Nekrasov and Russian literature: a collection of articles, 38*. Kostroma. 33—53. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1988). Russian verse. Semantics of poetic meter in Russian poetry of the second half of the XIX century: A. A. Fet and N. A. Nekrasov. *Slowianska metryka porownawsza. Semantyka form wierszowych, III*. Wroclaw: [b. i.]. 105—143. (In Russ.).
- Melnik, V. I. (2001). "To whom in Russia to live well!": The problem of Christian consciousness in the poem. *Nekrasovsky collection, XIII*. St. Petersburg: Nauka. 126—134. (In Russ.).
- Mostovskaya, N. N. (1991). "Pushkinskoe" in the work of Nekrasov. In: *Problems of modern Pushkin Studies. Interuniversity collection of scientific papers*. Pskov: Pskov State Pedagogical Institute. 177—186. (In Russ.).
- Mostovskaya, N. N. (1997). The poem "The Poet and the citizen" in the literary tradition. *Karabikha. Historical and literary collection, 3*. Yaroslavl: TOO Liya. 67—79. (In Russ.).
- Nolman, M. L. (1971). Nekrasov and Pushkin. Evolution of the poetic genre of memoirs-confessions. *N. A. Nekrasov and Russian literature. (1821—1871): a collection of articles*. Moscow: Nauka. 204—265. (In Russ.).
- Prokshin, V. G. (1979). *N. A. Nekrasov. The path to the epic*. Ufa: Bashkir Book Publishing house. 272 p. (In Russ.).
- Skatov, N. N. (1985). "Pushkinskoe" Nekrasov's poem "Elegy". In: *"I dedicated the lyre to my people..."*. Moscow: Education. 152—160. (In Russ.).
- Vershinina, N. L. (2001). "Onegin'sky" motifs in the lyrics of Nekrasov. *Nekrasovsky collection, XIII*. St. Petersburg: Nauka. 10—16. ISBN 5-02-028502-1. (In Russ.).
- Volodina, N. V. (2001). The dialogue of Nekrasov with Pushkin in the poem "The Poet and the Citizen". *Nekrasov Collection, XII*. Saint-Petersburg: Nauka. 4—9. ISBN 5-02-028502-1. (In Russ.).
- Zaborova, R. B. (2001). K izucheniyu poeticheskikh dialogov Nekrasov. *Nekrasovsky sbornik, XIII*. Saint-Petersburg: Nauka. 17—25. ISBN 5-02-028502-1. (In Russ.).